

Николай Лесков

**Сказание о Федоре-
христианине и о
друге его Абраме...**

Николай Семёнович Лесков Сказание о Федоре- христианине и о друге его Абраме-жидовине

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175411*

Аннотация

Повесть эта не есть баснословие, измышленное досугом писателя. Это есть истинная история, в древние годы действительно бывшая и в давние же годы писанная рукой современного богочтителя и человеколюбца. Ныне она от старых записей взята и в новом изложении подаётся для возможного удовольствия друзей мира и человеколюбия, оскорбляемых нестерпимым дыханием братоненавидения и злопомнения.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	6
Глава третья	9
Глава четвертая	11
Глава пятая	17
Глава шестая	19
Глава седьмая	22
Глава восьмая	25
Глава девятая	28
Глава десятая	33
Глава одиннадцатая	36
Глава двенадцатая	38
Глава тринадцатая	41
Глава четырнадцатая	43
Глава пятнадцатая	45
Глава шестнадцатая	47

Николай Лесков

Сказание о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине

Глава первая

В греческом городе Византии, прежде чем этот город стал называться Константинополем, а у русских Царьградом, жили два соседа. Один был еврей, а другой крещеный из потаенных; еврей содержал ветхозаветную веру пророка Моисея, а крещеный разумно соблюдал свою христианскую веру. Оба соседа жили исправно, а промыслами занимались различными: еврей делал золотые и серебряные вещи, а христианин имел корабли и посылал их с товарами за море. По соседству они друг другу ничем не досаждали и имели обыкновение никогда друг с другом о вере не спорить. Кто из них в какой вере родился, тот в такой и пребывал, и свою веру перед другим не превозносил, а чужую не унижал и не порочил. Оба рассуждали так: «кому что в рассуждении веры от бога открыто, – та-

кова, значит, воля божия». И так, они в добром согласии прожили много лет счастливо.

У обоих этих соседей было по сыну, которые родились в один год. Христианин своего сына потаенно окрестил и назвал Федором, а еврей своего, по еврейскому закону, в восьмой день обрезал и назвал его Абрамом.

Тогда в Царьграде главною верой была еще вера языческая. Христиане и евреи, которые жили между язычниками, старались себя явно не оказывать, чтобы не дразнить язычников и не накликать на себя неудовольствия. А потому, как крещение Федора, так и обрезание Абрама, отцы их сделали в домах своих без угощения, потихоньку, при одних своих близких родных.

Оба соседа, получив от бога потомство, были очень рады. Христианин говорил:

– Добрый сосед! Дай бог, чтобы сыновья наши жили между собою так же ладно, как мы между собою прожили.

И еврей сказал то же самое.

– Дай бог, сосед, но я думаю, что дети наши должны жить еще согласнее, потому что они от нас, отцов своих, имеют добрый пример, что в согласии заключается удобье и счастье, а в несогласии – всякое беспокойство и разорение.

Глава вторая

Когда мальчики, Федор и Абрам, подросли до той поры, что их стали манить совместные игры и забавы, то обе матери – и христианка, и жидовка, начали выносить на огород и сажать их вместе, чтобы они забавлялись, а большим не мешали. А огороды у еврея и у христианина были рядом бок о бок и, по тогдашней простоте, ничем не были разгорожены. Вынесет еврейка, посадит своего Абрамку – и христианка принесет своего Федю и тоже посадит его рядом на траве под большой розовой куст; надают им каких попало детских забавок, чтобы играли, а сами пойдут каждая к своим делам по домашеству. Но всегда, бывало, и одна, и другая строго-настрого детям наказывали, чтобы играли мирно и весело, как хотят, а ссориться чтобы не смели. Ежели же в чем-нибудь не сумеют поладить, то чтобы не жаловались, а сами между собою мирились.

В таком простом, но добром научении мальчики выросли и сжились друг с другом так, что любили один другого совершенно как два согласные родные брата. Даже и более, потому что между родными братьями по крови бывают иногда несогласие и зависть, а у Федора с Абрамом ничего подобного не было. Что одно-

му было любо, то и другому нравилось. А что один из них был окрещен, а другой обрезан, – этого они совсем не знали. За занятиями и недосугами родители их оставляли им это без растолкования, да дети даже еще и не уразумели бы в своем возрасте, в чем тут разница. В невинном детском маломыслии, они вместе играли и, наигравшись вместе, обнявшись, засыпали на травке, спрятав головы под один и тот же розовый куст, в котором копошились золотые пчелки, а детей не трогали, все равно как христианина, так и жидовина.

Но вот Федор и Абрам подросли и настало время посылать их в школу. А это случилось, когда в Константинополе язычество приканчивалось и была уже объявлена главною вера христианская. Идолъские капища тогда разоряли или переделывали на церкви и на городских стенах, над воротами, стали писать образа, чтобы всякий, проходя, кланялся и молился.

В эту пору многое стали заводить на иной лад, и некоторые учителя начали изъяснять высшему правительству, что христианину и еврею вместе ходить в одну школу не годится, а непременно надо разделять детей порознь, чтоб они с малолетства не смешивались, потому что будто вместе им нельзя дать согласного научения, так как у евреев главный закон веры – от Моисея, человека божия, а у других – от Христа. Мы

их ветхий закон признаем, но только к нему от своего Нового Завета добавку делаем, а евреи думают, что им добавки не надо, а довольно и одно то соблюсти, что в старом законе от Моисея показано.

Глава третья

Матери Федора и Абрама не твердо разумели, что их религии подробно касается, а знали по-женски одно наружное. Знали они, например, что жидовкам в свое время надо в ванну лазить и окунаться по обязанности, а крещеным женщинам – заведено мыться только когда понадобится; или, что христианам можно есть свинину, а жидам свиное мясо запрещено и непозволено. Прочего же, что есть главное в том и в другом законе, они до тонкости не понимали и молились по-своему, каждая про себя, как была научена в детстве. Больше же всего обе они жили с тою заботой, чтобы в соседстве по домашеству им одной от другой было как можно удобнее и чтобы не оказать никакой друг другу помехи.

Старый, потаенный христианин и еврей, как настало время их мальчикам учиться, не захотели их различать, и чтобы в этом не было помехи, свели Федора и Абрама к одному мастеру, который и заучил их греческой грамоте.

Оба мальчика хорошо занялись и так полюбили грамоту, что рвались к ней в несытость. Мало им было того, чему в школе у мастера научатся, а они еще, как придут домой, опять и дома тоже продолжали за-

ниматься. Как только поедят, сейчас опять сойдутся на огороде, сядут под деревцом, обоймутся и опять вместе читают – про разные страны и про разные веры. Одну за другою, много книг они прочитали, и все с хорошею памятью, так что мастер обоих их хвалил и всем другим в пример ставил. Одобрял он их и за науку, и хвалил за добронравие, так как они вышли дети тихие, согласные и ласковые.

Так Федор и Абрам росли своим родным на утешение, а посторонним в хороший пример.

Глава четвертая

Отцы и матери Федора и Абрама, каждый на своем языке и по своей вере, благодарили бога, что мальчики так умны и послушны, и радовались их согласию. В обеих семьях соседского сына привечали наравне со своим: Федор ли прибежит к Абрамовым родителям, старый еврей и еврейка были с ним ласковы, все равно как со своим, и так же точно, если Абрам приходил к товарищу, то и Федоровы отец с матерью обращались с Абрамом всегда ласково, только свининой его не угощали.

А мастер, к которому Федор и Абрам ходили учиться книжной мудрости, был грек еще старого эллинского научения и сам вышел из старинных философских школ. Его звали Панфил. Он был человек справедливый и умный и в детях старался насадить и укрепить ту же самую любовь к справедливости. Он не только учил их по книгам, но и на словах давал всем правильное наставление к жизни, чтобы никто один другого не унижал и никто друг над другом ничем не превозносился, потому что если есть в ком что-нибудь более превосходное, чем в другом, то это в человеке не есть его собственное и им при рождении не выслужено, а от бога даром ему пожаловано. Ни красотой тела, ни

природой родителей своих, ни их богатством и знатностью, ничем у Панфила ученики друг перед другом не хвастались. И через это, хотя в школе у Панфила было много детей из всего «рассеяния», то есть разных вер, но все они были приучены жить как дети одного отца, бога, создавшего небо и землю, и всяческое дыхание – еллина же и иудея.

Почувшись книжному мастерству, дети вместе шли по домам, весело между собою говоря и играя, особенно Федор с Абрамом, которые сжились, как братья. Но вдруг вышло новое повеление, чтобы школам не быть для всех вместе, по-старому, а чтобы разделиться по верам. Так и стали заводить. И тогда над всеми школами уставили особый досмотр следить, чтобы дети одни с другими не мешались, и поставлены были особые смотрители, которых называли «младопитателями».

Начали младопитатели все смотреть, во все вникать и обо всем распытывать, – не только чему мастера в своих школах учат, но и что родители своим детям дома внушают. Захотели враз все переделать за единый вздох.

Один такой младопитатель утвердился над тою школой, где учились Федор с Абрамом, и начал он у Панфила спрашивать:

– Объясни мне, Панфил, как ты веруешь и какую

веру перевозносишь, а какую опровергаешь?

Панфил отвечал:

– Господин, произволением творца людям не одинаково явлено, во что верить, и у нас между всех есть много разных вер, и не в этом зло, а зло в том, что каждый из людей почитает одну свою веру за самую лучшую и за самую истинную, а другие без хорошего рассуждения порочит. А как я сам всех вер не знаю, то обе истины их во всей полноте судить не могу, и я потому ни одной веры против другой не унижаю и ни одну не перевозношу, так как это до меня совсем не касающее.

Младопитатель удивился.

– Зачем же, – говорит, – ты этак лукаво умствуешь? Это так нельзя.

Панфил отвечает:

– Так я, по крайней мере, ни в какую ошибку никого не ввожу.

– Что за важная вещь ошибиться? Все ошибаются – это можно покаянием исправить; но мы знаем истину и должны ее всем оказать. Надо, чтобы между людьми было по их верам разделение.

– Для этого, – отвечает Панфил, – у всякого в своей вере есть наставники, которые всех разделить постараются, а в училище я только о том забочусь, чтоб у детей в постижении разума никакого разделения не

было, а больше бы крепили любовь и согласие.

Младопитатель не похвалил:

– Это, – говорит, – у тебя нехорошо от ученых рассуждений развилось. Надо так, чтобы всякий отрок от младых ногтей особо себя понимал и жил всяк по своей вере.

Мастер не согласился и сказал:

– Я этого внушать не могу.

Стали друг другу отвечать и спорить, но согласиться не могли: и у одного, и у другого на все нашлись доказательства.

Младопитатель только тем взял верх, что сказал:

– Ты меня должен слушаться: я – начальник и твои рассуждения мне знать не нужно.

Тогда Панфил ответил:

– Хорошо; если все по твоей воле должно делаться, то тебе действительно от рассудка приводить нечего; но ты помилосердуй – не понуждай меня разлучать детей. Мои ученики еще молоды и у них слабый, лысый размысл, ребячий. Когда они придут в возраст и разумом окурятся, тогда они сами, по своим смыслам в вере, разберутся, а пусть добрый навык согласия детского при них останется.

Младопитатель опалился гневом:

– Что такое есть земное согласие?! Надо достигать истины.

А Панфил опять просит:

– Да ты взгляни, – говорит, – на ребяток-то: ведь они теперь все еще молоды летами и умом все лысы, не крепки, – ничего того, что больших понятий требует, они понимать еще не могут. Помилосердуй, пожалуйста, оставь разделение их надольше, а пока пусть они все вместе учатся, пусть от младых ногтей обыкнут соблюдать мир душевный и друг к другу общую любовь. Тогда и разница в особых понятиях не разъединит сердец их.

Младопитатель головой замотал.

– Нам твое рассуждение, – говорит, – теперь не под стать. Мы теперь заводим все по-своему и скоро во всем свете все будет только по-нашему. Что мы хотим, то всякий должен от самых молодых ногтей постичь и это передо всеми на вид оказывать. А ежели кто рассуждает так, как ты судишь, то тот теперь к делу ненадежен, и я тебе так учить не позволю.

Панфил подул в свою бороду, вздохнул и молвил:

– Значит, быть по-твоему. На тебе власть и я тебе покоряюсь. Не позволяешь мне так вести, как я умею, то и не надо: я свою школу прикончу и учеников отпущу.

– Да, отпусти, – отвечал младопитатель, – а чтоб и другим не повадно было, я твои двери на семь печатей припечатая.

И припечатал. Школа прикрылась. А Панфил созвал детских отцов и говорит:

– Вот вышел такой приказ, которого я исполнить не могу, и младопитатель школу мою припечатал. Ведите теперь каждый свое дитя к другим мастерам по разделению веры вашей. У меня они худу не научились, а там, дай им бог, научиться еще лучшему.

Пожалели отцы, что надо брать детей от кроткого Панфила, однако, подчинились чему надо и разве-ли детей в другие школы, каждый по разделению вер своих.

Глава пятая

Мальчики Федор и Абрам тут только впервые разлучились. Отвели Федора в особливую школу для христиан, где был учитель, который почитал себя всех праведнее, а Абрама отец свел в хедер к жиду, который считал себя всех умнее и из всех созданных чище. Он весь жидовский талмуд выучил и наизусть знал все правила, по которым все люди другой веры почитаются «погаными».

Оба новые учителя на самом первом шагу сказали своим ученикам, чтобы никто с учениками из чужих школ и в шутку не баловал, а если кто не послушается и станет играть, тому в школе лозой пригрозили.

А чтобы дать детям растолкование, один сказал:

– Бог только с одними с нами в самом лучшем роде обходится и одно наше все чистое, а всех других бог гораздо меньше нас любит, и все другие – поганые, а все, что при них есть, это тоже все поганое. Что у них есть, все надо отнять да снести освятить и потом себе взять. Тогда оно очистится, а самому с погаными после того опять не знаться. Кто же с ним по простоте поведется, тот сам опоганится, и бог за него не станет заступаться, а я его без всякого милосердия лозой застегаю, а потом отдам его другому начальнику, а дру-

гой отдаст его еще третьему, и дойдет до того, что ему на свете живым не остаться. А потом его после смерти еще на том свете опять будут медным веником в огненной бане парить и посадят на раскаленный железный стул и все будут мучить бесконечные веки.

Другой учитель не уступил этому и тоже одно свое все чистым называл, а чужое все испоганил, и также отданных ему в науку ребят обещался до смерти избить, а после смерти лишить их всех радостей.

Как в первый раз ученики вышли из школ, где услышали такие наставления, так и почувствовали, что на них взаправду рознь есть. Вместо того, чтобы по-ребячьи друг с другом водиться на воле, они сейчас же вспомнили учительское наставление и начали друг против друга становиться и покрикивать:

– Не подходи; ты поганый.

А другие отвечали: ты сам – поганый.

Федор слышал, как это говорили про Абрама, а Абрам слышал, как поганили Федора.

Глава шестая

Вернувшись домой, Федор и Абрам в первый раз не знали, можно ли им по-прежнему вместе сойтись.

Похватавши хлеба у матерей, побежали они по привычке на огород, на то самое место, где всегда игрывали, но друг до друга не добежали, а стали одаль, как будто между ними какая-нибудь разметка была положена.

Стоят, жуют и один на другого исподлобья посматривают, а ближе не подходят.

Наконец, один заговорил:

– Нам, – говорит, – теперь заказано, чтобы с вами не водиться.

А другой отвечает:

– И нам то же самое.

Помолчали.

– Про вас наш учитель говорил, что вы – поганые.

– И наш про вас говорил, что вы – поганые.

– Нет, мы не поганые – нам наш бог особый закон дал, нам свинью есть нельзя, а вы едите.

– А вы ее отчего не едите?

– Я не знаю.

Опять помолчали.

– А что она, свинья, вкусная или нет?

– Если мать ее с черносливом и маслиной испечет, так она очень вкусная.

Абрам задумался. Ему давно приводилось нюхать носом у Федора, как сладко пахнет свинина с черносливом, и у него теперь под языком защекотало.

Абрам плюнул и сказал:

– Поганое!

Федор говорит:

– Моя мать не печет поганого... А у нас школа лучше вашей.

Отвечает Абрам:

– А наша еще лучше вашей. У нас меламед в сивых кудрях и все знает.

– И наш все знает!

– Наш про вас знает, что вы – поганые, а мы – чистые.

– Да это и наш говорит, что вы – поганые.

– Ну, так погоди, я об этом отцу скажу.

Оба рассказали отцам, а потом сошлись и опять перекоряться начали:

– Отец говорит, что ваш учитель пустяки врет.

– А мой отец говорит, что ваш учитель пустяки врет.

Пошли с этих пор всякий день считаться и скоро после того Федор и Абрам, от рождения своего дружные, начали друг друга поталкивать да с кулаками один на другого наскокивать.

– Ах ты жид! – говорит один.

А другой отвечает:

– Ах ты гой-изуверный!

Пошло дальше, в том же роде, и у других. Где только встретятся дети разновременных отцов, так уж им и не охота друг с другом в лад между собою забавляться, а охотнее стало мануться, чтобы друг друга осмеять, да выругать, и притом непременно как-нибудь самым обидным манером, чтобы чужой веры или отца с матерью коснуться.

Все еще понимали в разности вер очень мало, и то одно только самое поверхностное, а спорили очень много и часто заканчивали свои споры драками.

Глава седьмая

Из-за детей вскоре и отцы начали ссориться, и сами тоже стали учить детей, чтобы не сходились.

– Через вас, дескать, теперь только стала распря.

Федорова мать и Абрамова мать пошли раз на огороды, чтобы поискать сыновей, и видят, что их сыновья стоят друг против друга на меже и толкаются, а у самих у обоих глаза горят и оба друг на друга кулачки сучат.

Один покрикивает: «Подойди-ка, подойди!» и другой – тоже.

Матери их развели. Всякая взяла себе под рукав своего и говорят:

– Удивительно, отчего прежде они никогда не ссорились. Это, верно, твой моего задирать начал.

А другая отвечает:

– С какой стати берешь на моего говорить? Мой всегда смирный, а это твой задирает.

Начали спорить: «твой – этакой», а «твой – этакой», и разругались.

– Чтоб нога твоего, – говорит, – на наш огород не вступала.

И другая сказала то же.

И взяла одна камней набрала и стежку проложила,

чтобы за этот рядок Федор с Абрамом и переступить не могли. А другая говорит:

– Я сама еще рядок камешков подброшу.

Стала камни швырять, да, в сердцах, одна камнем в соседку попала. Та завизжала.

Кинулись друг на дружку и начали одна на другой платье рвать, да в глаза плеваться. Дети за ними. Сделалась драка, и поднялся такой большой шум, что услышали другие соседи и тоже выскочили на огород посмотреть, как две бабы дерутся, а ребятишки им помогают. Услышали, наконец, и отцы Федора и Абрама, что их жены и сыновья дерутся, и прибежали и стали их разнимать, да вместо того сами подрались. А соседи, которые видели драку, глядят через заборы и руками пока не вмешиваются, но стараются помогать молитвами.

А потом те и другие не вытерпели, перелезли через загородки и стали каждый своими кулаками подсоблять и вышло общее побоище.

Пришли военные и их разогнали, а тех, кто начал драку, за клин посадили и ноги им в колодки забили, а правителю доложили, что все эти люди за веру ссорятся.

Правитель велел христианина выпустить, а жида еще побить и с него штраф взять, чтобы другим не повадно было с крещеными ссориться.

Прежних соседских ладов между Федоровым отцом и Абрамовым с сей поры как и не было. Вместо приятни настало такое неудовольствие, что из них ни один друг на друга и смотреть не мог без гнева. А чтобы вперед еще драки не было, они разгородились высоким каменным забором, так, чтобы никто на соседское место и заглядывать не мог. Так прежние добрые соседи состарились и в распре друг с другом померли.

Глава восьмая

А время шло вперед, как ему богом указано, и Федор, и Абрам выросли, отучились и стали хозяйствовать. Оба они продолжали дела, которыми их отцы занимались.

Федор торговал с заморскими городами, а Абрам золотые и серебряные вещи делал. Оба жили в достатках, но друг с другом по-прежнему, как в детстве было дружно, уже не сходились, пока пришел один особый случай.

Гулял раз Федор, в праздничный день, в загородном месте, за рощами над заливом, и видит, что несколько человек из тех, с которыми он вместе в одной школе учился, напали на Абрама, отняли у него золотые кольца и самого его бьют да приговаривают:

– Вот как тебе, жид, чтобы ты наш праздник почитал и не смел бы работать и ходить с непочтением.

Федору вспомнилось детство и жалко стало Абрама: за что его обижают? Федор и вмешался.

– Для чего, – говорит, – вы его обижаете? Какое зло он вам сделал? А те отвечают:

– Он нашей вере непочтение сделал.

– Какое же непочтение?

– Он в наш праздник работу разносит и как шел ми-

мо ворот, где лик написан, головы не открыл.

А Федор, так как знал Евангелие и закон еврейской набожности, то и говорит:

– Вы не в праве поступаете. Работать никогда не грех. Сказано: если у тебя овца упадет в яму, разве ее, хоть и в праздник, не вытащишь? И за непоклон головы вы с него напрасно взыскиваете: это не обида, потому что по-нашему перед святыней надо голову открыть, а по-ихнему обычаю это как раз наоборот установлено: у них надо перед святыней непременно с покрытой головой быть, а открыть голову – значит непочтение.

Это, действительно, так было, как объяснял Федор, но ему не поверили и все заговорили:

– Ты врешь – как можно перед святыней покрывши голову быть – это ты выдумываешь?

А Федор отвечает:

– Нет, я верно знаю и говорю правду.

– А почему тебе такая правда известна, а нам неизвестна? Мы все в одном месте учились.

А Федор отвечает:

– Я ранее школы дома об их вере в книжках читал.

– А-га... Ну, так ты, – говорят, – верно и сам потаенный жид.

И набежало еще со всех сторон много людей, справлявших праздник, и стали спрашивать:

– Что здесь за шум и за что ссорятся?

А прежние стали скоро, частоговоркой, рассказывать, что вот поймали жида с непочтением, а Федор, хотя и крещеный, но за жидовскую веру заступается и свою ниже ставит. А те люди, не разобравшись дальше, отвечают Федору:

– Ты виноват!

– Чем?.. Я никому зла не сделал.

– Как, – говорит, – зла не сделал! А разве ты за жида не заступился?

Федор не солгал и хотел рассказать, из-за чего вышло то дело, в котором он заступился за Абрама, но его перебили и все закричали:

– Это все равно: если ты жидовский обычай оправдываешь и с своими равняешь, то это все равно, что ты жидовскую веру хвалишь. Примите же и честь одинаковую.

И стали все бить их обоих вместе – и Абрама, и Федора.

Избили их и оставили обоих в роще, в темном месте.

Глава девятая

Федор с Абрамом долго пролежали тут без памяти, а ночью, при прохладе, пришли понемножку в себя и стали, друг на друга опираючись, ползти домой. А как они добрались перед светом до дому, то Абрам сказал Федору:

– Друг Федор! Ты оказал мне правду и милосердие. Я твой должник буду на всю мою жизнь, а еще мне всего дороже то, что ты человек справедливый и бога больше, чем людей, боишься.

Федор ответил:

– Друг Абрам, – это и не должно быть иначе – так нам Иисус Христос велел, а я хочу быть его ученик.

Абрам говорит:

– Да, но не все ученики твоего учителя понимают его учение так, как ты.

– Что же делать, – отвечал Федор. – Ведь и у евреев то же самое: внушения человеческие для многих закрывают заповеди божеские.

– Правда, – молвил Абрам и, вздохнув, добавил:

– Поймут ли когда-нибудь все люди истину, что творец не желает в них разделения?

– Поймут все, только не в одно время.

– Приблизь, господь, это время.

Федор улыбнулся.

– Вот, – говорит Абрам, – мы с тобой в детях друг друга любили, когда вместе играли и вместе под одним кустом спали, а потом люди нас заставили врознь быть. А сейчас ты, я думаю, не заметил, что случилось. Мы ведь вместе одною молитвой к богу помолились!..

Абрам говорит:

– Пусть живет в вас дух Учителя вашего, а не иных, кои имя его знают, да духа его не имеют.

После этого они стали опять приятелями и, по старой, детской привычке, находили большое удовольствие, чтобы после трудов друг с другом постоять и поговорить.

В дома они один к другому не входили, потому что боялись, чтобы через это не увеличить молву, которая про них была пущена. Про Федора свои говорили, будто он потому за жида заступился, что сам втайне предается жидовству и даже на молитве по-жидовски скачет; а про Абрама жида сочиняли, что он свиное ухо съел и Моисеев закон оставляет и тайно к христианам пристал, чтобы войти в милость у властителей. И обоим им и от семейных, и от своих общественных людей выпадали досадные попреки.

А на самом деле ничего этого не было. Федор и Абрам – оба оставались по вере, как были: кто в которой родился, тот в той и пребывал. И как они в детстве

своём никогда не спорили, чья вера лучше или богоугоднее, так же и теперь никаких споров о вере не заводили. Напротив, они как бы крепче уверились, что и в одной, и в другой вере во всех отношениях можно себя руководствовать, если только понимать веру правильно и не иметь лукавых замыслов и вредных для мира привычек.

А когда они в этом укрепились, то если у них после того заходил разговор, то он только в тихую и приятную беседу обращался.

Федор сказал раз Абраму:

– Мне жалостно видеть, сколько через споры о вере сделалось распрей в людях.

А Абрам ему ответил:

– Этому так и следует быть. Если очи наши не на одинаковую даль и не на равную высь видеть могут, то кольми паче понимание не одинаково все постигать может, а должно разнствовать. Если бы это не было угодно богу, то все бы люди одинаково все видели и одинаково понимали, но бог не так создал, а создал различие в понимании. Оттого и разные веры. Федор согласился.

– Это так, – говорит, – но только распри, которые через это настают, душе моей тягостны.

– Распри, – отвечал Абрам, – тоже от непонимания, что все веры к одному богу ведут. Кто умный богочти-

тель, тот во всякой вере пожелает почтить ее истину.

Опять согласился Федор.

– Да, – говорит, – я давно думаю, что вот и твои еди-
новерцы напрасно негодуют на Христа. Они сами не
понимают, что он одно добро желал сделать всем лю-
дям, и за то и убит от злобы непонимавших.

Абрам согласился.

– Слов нет, что твоя правда, – сказал Абрам. – Муж
Галилейский, о котором ты говоришь, честен, свят и
премудр, а не понимают его не только худые из Мо-
исеевых учеников, которые мнят тем ненавидением
службу приносить богу, но не понимают многие и твои
единоверцы, и это тем жалче, что сии даже богом его
почитают, а его доброго святого учения и по человече-
ству не исполняют. Жалей, друг мой Федор, об этом,
ибо чрез это вы другим не можете открыть Иисуса во
всей силе его побеждающего завета и иных о себе
смущаете и заставляете сомневаться в вере вашей.

Федор вздохнул и сказал:

– Абрам, ты меня борешь!

А Абрам отвечал:

– И ты меня борешь! Не спорить надо о боге, а ста-
раться жить в мире.

Абрам приложил большие персты своих рук к гла-
зам и голосно, по-жидовски, пропел:

– «Умейн!», – т. е. аминь или по-нашему «истинно».

Федор обнял его из всей силы и, прижав к сердцу, прошептал:

– Он теперь среди нас.

Абрам говорит:

– Ну, так что ж? Побудь с нами, муж Галилейский!

Федор растрогался и заплакал:

– Побудь! – молит. – Останься! Мы сотворим тебе сеню.

А Абрам опять ударил:

– «Умейн!»

И так точно разговоры о вере никогда не смущали согласия Абрама и Федора. Они опять ходили в свой разгороженный огород и, подмостившись на скамейках, беседовали через стену, но только ненадолго этого стало.

Вере, надежде и любви скоро пришло испытание.

Федор и Абрам стали мирны, да вокруг их все уже иным духом взялось и все, что случится, оборачивалось им в смущение.

Глава десятая

У Федора начались разные беды – и все одна за другою. Одна беда точно вела за собою другую. Федор сначала сделался нездоров и долго лежал, а потом стали у него болеть дети и ни один не выздоровел, а все друг за другом умерли, а потом умерла и его молодая жена, которую он любил и имел от нее большую помощь в хозяйстве.

Федор в этих горестях ослабел душою и стал неаккуратно смотреть за делами, а его наемные люди хоть они были и крещеные, а не пожалели его и этим его несчастием воспользовались и много расхитили. После же всего один его должник, которому Федор верил, как брату, сильно обманул и присягнул, что долг ему отдал. Федорово хозяйство ото всего этого сильно пошатнулось, и он закручинился. А люди стали о нем толковать и со всех сторон ему говорили:

– Раздумайся: за что так тебя бог наказывает? Верно это на тебя посылается за то, что ты живешь в дружбе с жидом, – врагом веры христианской.

Федор таким внушениям не верил и слов этих не любил слушать, а отвечал:

– Вы мне не утешение делаете, а одну досаду. Вы сами не знаете, что говорите: нам Христос никого не

позволил ненавидеть, а всех приказал любить.

– Только, – говорят, – не жидов.

А Федор отвечает:

– Этого в Евангелии не сказано.

– Жид – враг нашей вере.

– Он враждует, если не понимает, чему учит наша вера, а глядя на нас о ней судит. Это мы виноваты, потому что мы еще злы и не исправляемся и не живем по Христову наставлению. Сосед Абрам никогда мне моей веры не порочил и даже об учении Христовом рассуждает с почтением; а если бы он и враг был, то и тогда я, как христианин, обязан был бы о нем как о враге милосердовать, чтобы волю Христову исполнить. Или забыли, что Христос на кресте за своих врагов молился.

Ему отвечают:

– Нам с Христом себя не ровнять – он бог, а мы люди. Ты богохульствуешь.

– Нет, я не богохульствую, – отвечал Федор, – а я только говорю, что Христу надо следовать, и когда другие люди нашу доброту увидят, они скорее нашу веру любить станут. В этой доброте мы Христа своего всему миру явить можем на уважение.

Люди на это только больше рассердились, а среди их был один Никодим-мироварник, который продавал миро – он стал всем сказывать, что Федора грешно и

слушать, потому что Федор теперь уже проклят, яко друг жидовинов, и Никодиму будто во сне явлено, что Федору дальше не будет ни в чем удачи, а нападут на него еще большие беды, и тому, кто с Федором водиться станет, тоже ни в чем удачи не будет.

Федор и этому не внимал и не боялся быть от всех покинутым, а рассуждал так, что он худа не делает, храня детскую дружбу с Абрамом, человеком честным, который свою веру держит, а чужой не порочит и даже хорошее в ней хорошим называет.

Глава одиннадцатая

Абрам пришел к Федору и сказал без всякого гнева:

– Друг Федор, я узнал, что твои люди на тебя в большом неудовольствии за твое ко мне расположение. Как бы для тебя от этого худо не вышло.

А Федор отвечает:

– Друг Абрам, я люблю тебя и не могу делать иначе. В отрочьем веке нас с тобою было разбили, но теперь в возрасте мы этого над собой не допустим. Только душа моя ослабевает от больших несчастий. Неужели и вправду бог меня кинул?

– Счастье и несчастье сменяются в жизни, – отвечал Абрам. – Бог, который создал и христианина, и еврея, и темного язычника – никому не открыл тайны судьбы их. Люди дерзки, когда они хотят проникнуть тайну бога и толкуют по-своему, за что человеку от бога посылается счастье и несчастье. Это как по нашей, так и по вашей вере совсем не человеческое дело разбирать и раскладывать. Наше человеческое дело – помогать, чем можем, друг другу; к приятности нашей теперь подвален большой камень, а потому и тебе будет трудно, да и мне страшно, если тебя постигнет еще какое-нибудь бедствие. А потому прошу тебя, не стесняйся дружбой ко мне и покажи, что ты мною

пренебрегаешь, а я в душе моей за это на тебя не обижусь.

В Федоре от этих слов даже сердце заныло.

– Нет, – говорит, – Абрам, ты мне друг от молодых ногтей и никогда меня ничем не обидел, и я тебя не могу обидеть таким обхождением.

– Ну, смотри, как знаешь, – отвечал Абрам и, поцеловав Федора, добавил сквозь слезы: – бог один знает, к чему эти испытания, но будем друг другу верны и бог не постыдит нашей верности.

Так друзья днем между собою говорили, а ночью собрались над их городом тучи, ударил с неба гром и спалил в одно мгновение весь дом Федора и все его амбары и кладовые, где у него лежали товары, которые он только что хотел посылать за море.

Глава двенадцатая

После этой беды отшатнулись от Федора все, как от чумного, и стали верить, что с ним и знаться не следует, потому что на нем весь гнев божий.

Федор стоит на своем пожарище, унылый, и думает:

– Мне ни от кого не будет помощи.

А знакомый голос кличет его из-за забора.

Федор поднял голову и видит лицо Абрама.

– Что ты тужишь? – говорит Абрам. – В беде надо скорей поправляться.

А Федор отвечает:

– Нечем мне мою беду поправлять; я все дотла потерял и теперь мне не за что взяться.

– Я тебе денег дам займы на разживу.

– Ты смеешься, Абрам!

– Нет, не смеюсь.

– Мне теперь, чтобы поправиться, надо, по крайней мере, тысячу литр золота.

– А что же ты с ними сделаешь?

– Я опять закупил бы цареградских товаров, отплыл бы в Александрию, там бы продал все за тройную цену и долг бы отдал, и себе бы нажил.

– Что же, это хорошо, приходи и возьми себе у меня

в долг тысячу литр золота.

– А кого же я тебе поставлю порукой, что я тебя не обману и долг отдам?

– Не надо мне поруки. Пусть будет нам наша детская дружба порукой.

Федор говорит:

– Как люблю Иисуса Христа, так ручаюсь тебе, что я тебя не обману.

А Абрам отвечает:

– Знаю, как ты его почитаешь, и потому еще более теперь верю. Ты его имя напрасно не скажешь. Иди и бери деньги.

– А если мне будет неудача и ты тогда станешь думать, что я Христом не подорожил?

– Нет, я знаю, что ты человек верный. Иди ко мне и бери скорей тысячу златниц, снаряжай корабль и плыви с товаром в Александрию.

Федор написал Абраму должную расписку и подписал ее, а Абрам отсчитал Федору тысячу златниц, и тот купил нужных для Александрии цареградских товаров, нагрузил все на корабль, распростился и поплыл в Египет.

Все удивлялись, откуда Федор взял столько денег, чтобы так легко справиться, и говорили между собою: «верно у него деньги в земле были припрятаны». А Федор, когда настало время отчалить его кораблю, за-

шел к Абраму проститься и, благодаря его еще раз, сказал:

– Верь же, друг Абрам, что я тебя не обману и не поставлю в фальшь имени Иисуса.

Абрам отвечал:

– Я не сомневаюсь. Добрый человек не может пристыжать того, кого любит и уважает, как своего учителя. Плыви с богом, и что бы с тобою ни случилось, я своего доверия не изменю.

А доверию Абрама суждено было выдержать много испытаний.

Глава тринадцатая

Федор благополучно прибыл с цареградскими товарами в Александрию и очень хорошо расторговался. Выручил он столько денег, что мог заплатить весь долг Авраму и себе оставить. Но на обратном пути в Константинополь морская буря разбила его корабль, и сам Федор насилу спасся на бревне, а все его золото погибло.

Мимо шедшие корабельщики взяли Федора из воды, привезли в Константинополь и выпустили, как нищего.

Сошел Федор на землю, дождался ночи и, согнувшись под лохмотьями негодной одежды, которую дали ему на корабле, потащился к своему пожарищному пустырю, забился в погребичную яму и плачет.

Стыдно ему было даже в лицо Авраму взглянуть и рассказать, какой с его деньгами вышел худой оборот.

А Аврам сам узнал через людей о Федоровом возвращении и сейчас же пролез к нему в яму и говорит:

– Полно, Федор, что ты стыдишься? Беда над всяким может случиться. Не приходи в отчаяние. Я тебе верю и помню, что ты священное для тебя имя во свидетельство произнес. Ты Иисуса не обманешь, а я вот принес тебе еще тысячу златниц. Бери и начинай все

дело наново.

Федор ни ушам, ни глазам своим не верил.

– Я, – говорит, – не могу принять.

– Отчего?

– Видишь сам: меня ужасные бедствия преследуют.

– Что же, тут-то тебе и надо мужаться, а друзьям твоим тебе помогать. Иди, оденься в мою запасную одежду, бери тысячу златниц и принимайся опять за дело.

Федор отвечает:

– Я боюсь, что я с моею судьбой и тебя изнищу.

– Полно, – говорит Абрам, – что о судьбе спорить? Судьба никому не известна, а то, что ты за меня бит был от своих, – это мне известно и я тебя не выдам в несчастью, да не презрен будет в людях жид яко раб Еговы, сотворившего небо и землю. Неужели ты за меня умел пострадать, а я будто того же снести не сумею. Бери деньги и ступай опять искать счастье.

Одел Абрам Федора в свою запасную одежду; прежнюю долговую расписку переписали с одной тысячи на две, и Федор пошел снаряжаться.

Глава четырнадцатая

В этот раз Федор закупил в Цареграде ароматной смолы и нагрузил ею целый корабль. Привез смолу в Александрию и с большим прибытком променял ее тамошним купцам на олово и поплыл с оловом в Ефес. В Ефесе на ту пору олово было очень надобно и в большом спросе. Федору дали за олово вес на вес красной меди. И стал Федор вдруг богат от этого выгодного промена и поплыл назад к Константинополю, радуясь, что теперь он с Абрамом рассчитается и сам снова будет жить непостыдно.

Но вышло все опять пребедственно: опять Федорово судно разбилось, и опять все его богатство потонуло. А из людей он только один спасся, и опять совсем голый, как мать родила, явился домой, добрался он до своего пепелища в Царьграде, сел в уголке темной погребной ямы и опять плачет. Опять приходит к нему Абрам и говорит:

– Ну, слушай ты, Федор! Извели мы с тобой денег много, две тысячи златниц, и все понапрасну: надо их вернуть.

Федор отвечает:

– Как еще вернуть? Бедствия меня так и преследуют. Но что для меня всего тягостнее, ты можешь поду-

мать, что я твои деньги скрыл и теперь притворяюсь бедным.

– Нет, – отвечает Абрам-жидовин, – ты всегда был честный человек, да и Иисусово имя ты не произнес бы напрасно. Я знаю, что ты Иисуса истинно почитаешь и никогда во лжи его имя не упомянешь.

– Утешь тебя бог, Абрам, что ты так обо мне думаешь! Правда твоя: я не помяну имени Иисуса Христа во лжи, хотя бы на меня еще большие пришли напасти, и рад я, что ты веришь, как я его почитаю.

– Ну, и толковать нам не о чем. Вот тебе твоя старая расписка на две тысячи златниц. Сотри ее и напиши новую, в три тысячи, и поезжай в третье.

Федор изумился.

– Благодарю, – говорит, – за твою добродетель, но мне уж и брать неохота. Верно, на мне есть какой особый грех, или в самом деле так надобно, чтобы люди разных вер друг другу не помогали.

– А вот для этого-то, – говорит Абрам, – я и не хочу, чтобы ты так думал. Един бог во вселенной, но суды его разбирать не наше дело, а помогать друг другу есть наша обязанность. Пиши третью расписку на три тысячи литр золота и отплывай в третье.

Глава пятнадцатая

Федор, по настоянию Абрама, взял тысячу литр золота, сел на корабль и поехал в Кальварию. Удача ему опять пошла самая счастливая. В Кальварии он накупил пшеницы по сребренику за решето, и отплыл с нею в Гундалы, а в Гундалах всю пшеницу продал по златнице за решето. Денег стало очень много, но Федор на том не остановился: в Гундалах он накупил хорошего виноградного вина по сребренику за мотру и поплыл с вином в Антиохию. Вино за дорогу переиграло, стало еще лучше и Федор продал здесь вино по златнице за мотру, которую купил всего по сребренику.

После этого у Федора стало столько денег, что и девать некуда. Но Федор знал, что он и прежде с Абрамовой руки наживал их легко, да только никогда довести не мог.

Как бы опять в третий раз того же самого не было.

Надумал Федор лучше самому денег не везти, а послать их с какими-нибудь вольными корабельщиками так, чтобы им неизвестно было, что они везут.

Пошел Федор ходить по городу, купил для Абрама дар, антиохийский плащ, да седло, чтобы на осле ездить, да крепкий ларец и сделал из всего этого один

сверток, а ларец завертел в самую середку, и положил туда четыре тысячи золотых литр: три тысячи в возврат за взятый у Абрама долг, а четвертую тысячу за проценты. Завернул это все так, что ларца не видно было, и отдал ехавшим в Царьград корабельщикам, чтоб отвезли Абраму-жидовину. А мало время спустя и сам поехал за ними следом.

Вольные корабельщики не догадались, что они везут в посылке золото, и как дошли до Царьграда, так сейчас и отдали посылку Абраму-жидовину.

Глава шестнадцатая

Абрам был человек осторожный: он не стал при корабельщиках смотреть, что такое ему от Федора прислано, а отнес сверток домой, заперся один и как развернул плащ и седло, то нашел накрепко заклепанный ларец, а в ларце деньги – все четыре тысячи златниц полностью: три – в возврат займа, а четвертая – за проценты.

Абрам пересчитал деньги, спрятал их и молчит, никому ни слова не говорит.

Вскоре затем Федор успел вернуться и сейчас же приходит к Абраму с большими дарами, кладет перед ним и ткани, и каменья, и золото.

– Прими, – говорит, – от меня; я тебе всем обязан. Без тебя бы пропал я.

А Абрам отвечает:

– Я за дары тебя благодарю и принимаю их, но пора же тебе, Федор, теперь мне и долг отдать.

Федор сильно смутился, но отвечал другу:

– Правда, Абрам. Я затем и пришел, чтобы поднести тебе сначала мои дары в честь, а теперь пойдем со мною на мой корабль, раскроем все, что я имею, сочтем и поделим все поровну надвое: половину мне, а половину – тебе. Абрам усмехнулся и говорит:

– Нет, Федор, я тебя искушал шуткою, чтобы видеть: не опалишься ли ты на меня и не скажешь ли мне укоризны за мое жидовство. Вижу, однако, что ты воистину кроток, как твой Учитель, Иисус Галилейский. Я от тебя через корабельщиков весь свой долг и проценты получил, и мне больше ничего от тебя не следует. Вот возьми свою должную грамоту. Но скажи мне только на милость, как ты это так послал мне столь значительные деньги без всякого следа?

– А видишь, – отвечал Федор, – я ужасался моего несчастья на обратный путь и лучше хотел два раза тебе заплатить, чем еще один раз остаться неисправным за порукой имени моего Спасителя.

Абрам обнял и расцеловал Федора.

– Да, – говорит, – ты его истинно любишь и прославляешь. Умножь бог на свете людей, тебе равных и подобных.

– Да умножь бог и таких, как ты, Абрам, – отвечал Федор и сказал, что он желает построить из своего богатства такой дом, где бы был приют и харчи всем бедным детям всех вер без различия, чтобы они с детства друг с другом свыкались, а не разделялись.

Абрам очень обрадовался.

– Хорошо, – говорит, – и я свой процент не беру, а отдаю на этот дом. Пусть дети живут без разбору, как мы с тобою жили в детстве нашем. И пусть будет это

дружбе нашей на старости поминанье.

И сделали так: построили дом и назвали его «селе-нием ближних». И приходя туда, оба одною радостью радовались и, одною равною заботой о «ближних» заботясь, мнили, яко единую и согласную службу приносят всех сотворившему богу.

Повесть эта не есть баснословие, измышленное досугом писателя. Это есть истинная история, в древние годы, действительно, бывшая и в давние же годы писанная рукой современного богочтителя и человеколюбца. Ныне она от старых записей взята и в новом изложении подается для возможного удовольствия друзей мира и человеколюбия, оскорбляемых нестерпимым дыханием братоненавидения и злопомнения.

Впервые напечатано – журнал «Русская мысль», 1886.